

ОТЗЫВ

официального оппонента доктора философских наук, доцента, профессора Андрея Сергеевича Мухина на диссертацию Светланы Александровны Михайловой «Утопический проект в культуре Просвещения», представленную на соискание учёной степени кандидата философских наук по специальности 24.00.01 – теория и история культуры.

Диссертация Светланы Александровны Михайловой обладает актуальностью и затрагивает важную тему – утопию как одну из форм социальной рефлексии, в которой обретает свое образное воплощение представление об идеальном обществе и государстве. Актуальность заявленной темы исследования во многом обусловлена постоянным воспроизведением утопизма в культуре, его способностью к модификации в изменяющихся социально-культурных условиях. Многогранность утопических моделей, их вариативность, заставляет по-новому взглянуть на традиционные трактовки этого феномена, подвергнув их переосмыслению, выявляя аспекты, заслуживающие пристального исследовательского внимания. Разночтение в трактовках утопии как культурного явления, причины возникновения и способы «реализации» утопических проектов являются предметом анализа многих дисциплинарных пространств, а их комплексное изучение в русле философского знания может способствовать формированию целостного представления об исследуемом феномене в его исторической динамике и выявлению теоретических подходов в его осмыслиении. Собственно эту задачу и ставит перед собой диссидентант.

Эпоха Просвещения внесла колossalный вклад в распространение и популяризацию утопических взглядов. В период Французской революции, определяющим фактором социальной реальности становится идеология, которая несет утопические идеи в общественное сознание. Так плоды Просвещения, актуализирующие утопическую идеологию, являются предметом исследования. С.А. Михайлова фокусирует своё внимание на явлении

утопического сознания. Утопия, по ее определению – «волюнтаристски созданная спекулятивная конструкция совершенствования социума». Утопические проекты, рождаясь на почве конфликта носителя обновленческих концептов с социальной реальностью, не могут избежать социальных коллизий, при попытке их реализации.

Обилие и разнородность использованных в диссертации релевантных источников и противоречивость авторитетных исследовательских подходов в изучении своеобразия феномена утопии в культуре не помешали автору обнаружить новый ракурс проблемы соотношения утопического сознания, взятого в его исторической динамике, с утопическим проектом как «культурным комплексом». В работе строго определены предмет и объект исследования, автором выбрана соответствующая предмету и цели методика, заданы необходимые методологические критерии. Диссертант прибегает к компаративному анализу, касающемуся своеобразия трактовок исследуемого феномена в русле западноевропейской традиции гуманитарного и социального знания, а также российской традиции осмыслиения и своеобразного претворения этого феномена в социальные институции и культурные практики.

С.А. Михайлова рассматривает исследуемый феномен весьма широко, автор выделяет утопическое сознание и выявляет его структурные составляющие, учитывает и показывает, что для эпохи Просвещения свойственно различие нескольких направлений утопических проектов. Описаны национальные особенности трактовок и способов реализации утопических проектов. Основные положения и выводы, сформулированные в диссертации, обоснованы, достоверны и отличаются новизной. Диссертант разрабатывает методологию, включающую анализ структуры и стадий реализации утопического проекта, с ее помощью мы получаем возможность изучать конфликтную область экспансии утопии в культурную реальность.

Материалом для анализа в диссертации стали утопические проекты западноевропейского и русского Просвещения. Все положения, выносимые на

защиту, нашли непосредственное обоснование в диссертации, которая в объемном измерении насчитывает 157 страниц, библиографический список, включающий 212 позиций. Изложение этапов исследования осуществляется от общей постановки проблемы утопии в культурфилософской мысли к конкретному анализу исследуемого феномена в контексте культуры эпохи Западного Просвещения и, наконец, к специальному проявлению этого проекта в культуре России.

Автором выстраивается единая линия, позволяющая делать выводы об отрицательном воздействии утопизма на общественное сознание. Каждая из глав диссертации реализует определенный класс исследовательских задач. В первой главе «Понятие утопии и утопического проекта» проанализированы разнообразные исследовательские подходы к понятию утопии, предложен критический разбор существующих классификаций утопий, выделены сферы формирования утопических проектов в культуре, проанализированы их функции и описаны стадии их воплощения в реальность.

Благодаря уточнению базовых понятий диссертации – утопии, утопического проекта, структуры утопического проекта, – задается дальнейшая перспектива реализации исследования. Специальное внимание автор уделяет ренессансным эвтопиям – утопическим проектам в градостроительстве и архитектуре, которые позволяют подчеркнуть такие протопросветительские функции утопического сознания эпохи Ренессанса, как идеализация и конструирование. Классические утопические проекты Т. Мора, Т. Мюнцера, Т. Кампанеллы рассматриваются в диссертации сквозь призму активизации рационального элемента утопического мышления и представляются, своего рода, идеальными типами идеально-эстетического, рационально-эстетического утопизма.

Во второй главе «Утопические проекты в культуре Просвещения. Западная Европа» эксплицируется рационалистическая направленность просветительского утопизма, его тесная связь с методологическим

рационализмом новоевропейской науки XVI – XVII вв. и нормативизмом классицистической эстетики. Автор демонстрирует, каким образом утопические идеи XVII столетия развиваются потенциал ренессансных утопий на материале сочинений Ф. Бэкона, Дж. Уинстенли, Я. Коменского. XVIII столетие знаменуется усложнением утопического проекта, порождая гетерогенные конструкции, объединяющие племенной материальный утопизм с элементами рациональной (научной) утопии, идеи эскализма и консервативной утопии с проектами прогрессистской реконструкции наличного состояния социума. Примерами таких построений в диссертации выступают утопические проекты Э.-Г. Морелли и Ж.-Ж. Руссо, Ж.А. Кондорсе, Г. Бабёфа. Кроме того, С.А. Михайлова акцентирует внимание на закономерностях функционирования утопического просветительского проекта в Западной Европе, отмечает сословную специфику утопического сознания. Исследователем не оставлены в стороне превалирование племенного материального утопизма, чреватого критикой цивилизации у представителей социальных низов и акцент на научно-рациональном утопизме, предполагающий активное использование сил природы, прогресс науки и техники, рационализацию процессов обучения человека и создания образовательных утопий.

В третьей главе диссертации «Утопические проекты в культуре Просвещения (Россия)» изучены элементы литературной утопии в произведениях А.Н. Радищева, Л. И. Сичкарёва, А. П. Сумарокова, А. Д. Улыбышева, при этом подчеркнут не столько их подражательный характер, сколько первые рациональные рецепции специфики общественной жизни. Существенное место в этой главе занимает реконструкция образовательного проекта И.И. Бецкого и других образовательно-воспитательных инициатив, а также проекта военных поселений как выражавших верхушечный характер российского Просвещения со свойственным ему рациональным и эстетическим утопизмом. Автором раскрываются особенности формирования утопических проектов Просвещения в России. Отмечено, что восприимчивость к

утопическим идеям обусловлена желанием решить множество сложных социальных проблем.

В Заключении Светлана Александровна приводит итоговую аргументацию теоретического видения исследуемого феномена, выстраивает ряд основополагающих его характеристик. Кроме прочего, сформулированы основные выводы по работе, поставлены проблемы и направления для дальнейшего поиска. Среди них особо выделена функция идеализации, которую докторант обстоятельно аргументирует. В исследовании отмечены две стадии воплощения утопических проектов – теоретическая и практическая. Приведены доказательства многочисленных изъянов второй стадии.

Теоретическая значимость работы С.А. Михайловой определяется тем, что основные выводы и результаты исследования открывают новые перспективы в изучении утопического сознания в широком контексте культуры. Практическая значимость исследования состоит в том, что выработан метод анализа принадлежности того или иного проекта к утопизму, через соотношение его с культурным контекстом и утопическими идеями. Отличительной чертой докторантуры является корректное отношение ученого к фактологическому материалу, почерпнутому из художественного и философского наследия. В работе представлена авторская трактовка исследуемого феномена и культурно-философского концепта, сводящаяся главным образом к его критической оценке. К исследованию привлечены отечественные и зарубежные источники, отвечающие изучаемой проблеме. Публикации С.А. Михайловой соответствуют теме докторантуры.

Однако бесспорные достоинства работы не освобождают её от ряда недостатков.

1. Анализируя такое явление ренессансной культуры как идеальный город С.А. Михайлова, опираясь на суждения ряда исследователей, приходит, на наш взгляд, к спорному выводу: «Человек, в подобной, чётко запланированной структуре, не обладает свободой выбора, изменения облика

жилья, планировки, в соответствии с жизненной необходимостью» (стр. 39). Однако архитектура в принципе, по природе своей, является ограничивающим фактором для многих волонтаристских процессов, поскольку является искусством организации трехмерной среды, а, следовательно, искусством регламентов, правил и порядков. Чем большей рационализацией обладает подход к проектированию архитектурной среды, тем, одновременно, совершенней и ограниченней становится эта среда. В ней многое становится невозможным – произвольная застройка, нарушение высотного регламента, иррегулярность остекления оконных проемов и т.д. Именно это и создает подлинную городскую среду, а не капризы отдельных владельцев тех или иных земельных участков.

2. Отмечая условность применения термина «утопия» к архитектурной теории и практике эпохи Возрождения (стр. 35), автор, тем не менее, на многих страницах разворачивает критический обзор идеальных схем в градостроительстве Ренессанса, тем самым противореча себе. Действительно, «идеальные» схемы воплощались в строительном искусстве и не раз за всю историю человечества. Автор сам приводит примеры – от Аркаима и античных городов с гипподамовой схемой до Пальмановы и Ла-Валлетты. Более того, эти города и поселения были утилитарно состоятельны, функционально актуализированы, где люди проживали не одну сотню лет, как например, в Чатал-Хююке с населением в несколько тысяч человек на протяжении полторы тысячи лет. Разве такой успех идеи упорядоченного городского пространства не является аргументом в пользу антиутопизма «идеальных» городов. Необходимо напомнить и о том, что концепт идеального города в эпоху Нового и Новейшего времени в принципе заложил основы современного градостроительства во всех его аспектах (эстетический, коммуникационный, социальный и т.д.), а в XVII – XIX столетиях воплотился в планировочных решениях ландшафтной архитектуры.

3. Стоит видеть причину идеальных схем ренессансных городов-крепостей в развитии военного дела, огнестрельного оружия, когда, собственно, только бастионная система могла решить проблему так называемых мертвых зон секторов обстрела. Именно это обстоятельство подвигло В. Скамоцци на его смелый проект, как и других архитекторов той поры, а не просто отвлеченные эстетические воззрения (стр. 39). Действенность бастионных схем при строительстве городов-крепостей доказана весьма обширным опытом в этом деле на территории многих европейских стран, например, в Голландии – Наарден, Брилле, форте Баутанге и мн. др. Осуществление этих проектов выводит их за границы понятия утопизм.

4. Избыточно смелым представляется нам заявление: «Архитектурные идеи Просвещения отходят от традиционной классицистической системы пропорций» (стр. 86). Если речь идет о Франции XVII века, то это суждение противоречит осуществленным проектам К. Перро (Восточный фасад Лувра), Л. Лево (Во-ле-Виконт), Ф. Мансара и Ж. Лемерсье (Валь-де-Грас) и мн. др. Если о XVIII столетии – то явное противоречие с позицией автора обнаружит, например, архитектура церкви Св. Женевьевы (Пантеон). К тому же, под системой пропорций подразумевалась ордерная система, а не любые другие пропорции, например, печных труб, высот кровельных скатов, оконных проемов и люкарн и т.д.

5. Критически подойдя к оценке архитектурных идей К.-Н. Леду (стр.87-89), автор оставил в тени то обстоятельство, что проект солеварни в Арк-э-Сенан был осуществлен, как, впрочем, и некоторые другие проекты этого архитектора (Таможенная застава на площади Сталинграда в Париже).

6. Начало третьей главы (стр. 93) звучит сухо из-за простого пересчета фамилий исследователей, занимавшихся близкой данной диссертации проблематикой.

7. Автор утверждает: «Дворец – Эрмитаж, перекрытый раскрепованным лучковым фронтом, использовавшийся в строительстве

церквей, явно говорит о божественности персоны, для которой он предназначен» (стр. 102). Однако лучковый фронтон широко применялся и в гражданском строительстве без каких-либо сакральных аналогий, см., например, Банкетинг-Хаус в Лондоне И. Джонса.

8. Анализируя деятельность И.И. Бецкого, Светлана Александровна практически полностью обошла стороной образовательно-воспитательную систему Академии Художеств, – президентом которой он был долгие годы, – наиболее успешного «утопического» проекта русского Просвещения, лишь упоминая Академию на стр. 111.

9. На взгляд оппонента, практически ничего не сказано в диссертации о влиянии науки (физики, математики, астрономии, зарождающейся химии) на формирование утопических проектов. Кратко упомянут И. Ньютон на стр. 56 в весьма неоднозначном контексте. Однако именно изучение законов природы рассматривалось некоторыми учеными того времени, как обязательное занятие для монархов. Таким образом, реализовывалась идея просвещения народа через первичное просвещение властителей. Отсюда проистекает приобщение Карла II к алхимии и микроскопии, чему способствовал Р. Гук, благоволение Людовика XIV к гелиоцентрической системе мира, строительство Парижской обсерватории и основание им Академии наук и художеств, разместившихся в Лувре, покровительство, оказываемое Х. Гюйгенсу; а также страстная увлеченность Петра I науками, ремеслами и машинами и мн. др.

Тем не менее, исследование Светланы Александровны Михайловой обладает новизной и актуальностью, является завершенной и самостоятельной научной работой. Диссертацию отличает широкий исторический контекст исследуемого феномена, анализ многообразных трактовок и аргументированное изложение собственного видения проблемы, её теоретическое обоснование. Представленная к защите диссертация является вкладом в развитие теории культуры. Структура и содержание диссертации и автореферата соответствуют требованиям, предъявляемым к

квалификационным работам подобного рода. Полученные С.А. Михайловой научные результаты достоверны, обладают теоретической и практической значимостью для философских наук. Автoreферат диссертации и публикации автора (в том числе из Перечня рекомендованных изданий) отражают основные идеи исследования.

Диссертация «Утопический проект в культуре Просвещения» полностью соответствует требованиям Высшей аттестационной комиссии при Министерстве образования и науки Российской Федерации, в частности, пунктам 9-14 «Положения о присуждении ученых степеней», утвержденного Постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 № 842 (с изменениями Постановления Правительства Российской Федерации от 21 апреля 2016 г. № 335), а Светлана Александровна Михайлова заслуживает присуждения ей учёной степени кандидата философских наук по специальности 24.00.01 – теория и история культуры.

доктор философских наук, доцент,
профессор кафедры музеологии
и культурного наследия
Санкт-Петербургского государственного
института культуры

17 мая 2018 года

Мухин Андрей Сергеевич

Почтовый адрес оппонента
(место работы):
191186, Санкт-Петербург,
Дворцовая набережная,
дом 2, ауд. 2227, (812) 318-97-72
muzeologkaf@spbguki.ru

Подпись руки

